

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-419-438

EDN: RFWTAZ

Научная статья / Research article

Проблема перевода лингвистического термина на материале французского и русского языков

Д.С. Золотухин

Университет Париж Ситэ, Париж, Франция

✉ denis.zolotukhin@u-paris.fr

Аннотация. Рассмотрены понятийные, семантические и формальные особенности лингвистических терминов, выявляемые при подборе эквивалентов в рамках перевода текстов научных работ по языкознанию с французского языка на русский и наоборот. На основе эпистемологических и терминоведческих подходов, а также существующей переводческой практики в данной области проведена систематизация параметров лингвистического термина, которые необходимо учитывать при переводе как работ прошлых веков, так и современных текстов. Изучение проблемных аспектов работы над лингвистическими терминами, эксплицитно представленными в комментариях к изданным переводам, позволяет установить взаимосвязь терминологических параметров в синхронии и диахронии как на понятийном, так и на языковом уровне. В переводах основополагающих текстов франкоязычных и русскоязычных лингвистов (Потебня, Соссюр, Бенвенист, Лотман и др.), а также в двуязычных и одноязычных словарях лингвистической терминологии выявлено 36 французских терминологических единиц, требующих внимания со стороны русскоязычных переводчиков, авторов научных текстов, терминографов. В результате проведённого контекстологического, дефиниционного и компонентного анализа данных единиц продемонстрированы их лексико-семантические и морфологические особенности, специфика их понятийной соотнесенности, предложены пути решения конкретных переводческих проблем и обоснована необходимость комплексного подхода, учитывающего языковые, понятийные, пространственные, временные и эпистемологические характеристики термина, с целью повышения качества перевода, совершенствования содержания словарей лингвистической терминологии, развития научной коммуникации между франкоязычными и русскоязычными лингвистами.

Ключевые слова: лингвистический термин, метаязык, эквивалентность, научный перевод, история лингвистики

История статьи: поступила в редакцию 23.01.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Золотухин Д.С. Проблема перевода лингвистического термина на материале французского и русского языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 419–438. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-419-438>

© Золотухин Д.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Translating Linguistic Terms: A Case Study of French and Russian Terminologies

Denis S. Zolotukhin

Paris Cité University *Paris, France*

✉ denis.zolotukhin@u-paris.fr

Abstract. This paper explores the conceptual, semantic and formal features of linguistic terms that emerge in the process of selecting equivalents when translating scientific texts on linguistics from French to Russian and vice versa. Based on epistemological and terminological approaches, as well as existing translation practices in this field, a systematization of the linguistic term parameters is carried out. These parameters must be considered when translating both works of previous centuries and contemporary texts. By analyzing translation challenges, explicitly discussed in the commentary of published translations, the paper reveals the interrelations among terminological parameters in both synchronic and diachronic perspectives, at conceptual and linguistic levels. The analysis focuses on the translations of foundational texts by French- and Russian-speaking linguists (e.g., Potebnja, Saussure, Benveniste, Lotman), and on bilingual and monolingual dictionaries of linguistic terminology. The author identifies 36 French terminological units that warrant special attention from Russian-speaking translators, academic authors, and terminographers. Through contextual, definitional, and component analysis of the selected terminological units, this study reveals their lexical-semantic and morphological characteristics, as well as the specifics of their conceptual relationships. It proposes concrete solutions to recurring translation challenges and argues for a comprehensive approach that accounts for the language, conceptual, spatial, temporal, and epistemological dimensions of terminology. This approach is intended to improve translation accuracy, enhance the content of linguistic terminology dictionaries, and strengthen scientific communication between French- and Russian-speaking linguists.

Key words: linguistic term, metalanguage, equivalence, scientific translation, history of linguistics

Article history: received 12.03.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Zolotukhin, D.S. 2025. “Translating Linguistic Terms: A Case Study of French and Russian Terminologies.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 419–438. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-419-438>

Введение

Изучение механизмов создания и выражения научного знания можно осуществлять как в исторической перспективе, прослеживая эволюцию идей, понятий, теорий и терминологий в той или иной научной области, так и в сравнительно-сопоставительной перспективе, обращая внимание на отличительные признаки между школами, направлениями, терминологическими системами, существующими одновременно. Историческая эпистемология учитывает феномен «духа времени» (фр. «l’air du temps»), определяющий особенности не только содержания описываемого знания на определённом временном отрезке, но и форму его выражения в устных и письменных текстах научных работ. Сравнительная эпистемология учитывает «дух места» (фр. «l’air du

lieu»), обуславливающий вариации научного языка и дискурса в зависимости от территориального нахождения научных сообществ (локальных эпистем) [1. С. 11–14]. Ядерными элементами научного языка являются термины, которые могут варьироваться в зависимости не только от временного отрезка, но и от географической зоны даже в рамках одного языка, например, когда речь идёт о разных вариантах французского [2. С. 157].

Конкретизируя проблематику, можно сказать, что различие между франкоязычной лингвистикой и русскоязычной лингвистикой лежит на двух уровнях: **понятийном** — область различий в содержании научных теорий и подходов к описанию языковых явлений, и **языковом** — область различий в форме выражения лингвистических идей. Одной из точек соприкосновения двух уровней является **термин**, выражающий научное понятие с помощью языкового материала и, следовательно, неотделимый ни от языковой, ни от понятийной областей [3]. Согласно отдельным терминоведческим исследованиям, работа по нормализации и систематизации терминологических систем должна начинаться на уровне понятий и определений, и только затем стоит переходить к термину [4. С. 262]. Однако доступ к системе понятий мы получаем через язык, то есть через терминологию, содержащуюся в текстах. Только в такой языковой форме понятия «наследуются» следующими поколениями лингвистов. Именно термины являются ключевыми элементами в истории науки — «маркерами историчности»¹.

Рассматривая корреляцию между понятийным и языковым уровнями в рамках перевода научных текстов по лингвистике следует опираться на исследования, посвященные проблеме перевода в гуманитарных науках в целом [5] или в одной из таких наук [6], поскольку лингвистика разделяет с ними многие особенности в связи с общей спецификой, во-первых, объекта, во-вторых, подходов к его изучению. Однако возникающие в связи с переводом терминов вопросы о принципах гармонизации терминологических систем [7] не могут быть полностью переложены на термины лингвистической области в связи с их отличительными особенностями. Интерес к проблеме перевода именно лингвистических терминов как центральных лексических единиц языковедческих текстов возникает, как правило, при непосредственной практической работе переводчиков с соответствующим материалом. О трудности перевода или даже о невозможности перевести отдельные термины часто говорится в переводческих комментариях (сносках), сопровождающих текст перевода (например, [8; 9]), или в отдельных статьях, опубликованных переводчиками-лингвистами в процессе или после завершения работы над переводом (например, [10]). О терминологических вызовах, стоящих перед переводчиками таких текстов, также пишут исследователи в области переводоведения, эпистемологии, истории лингвистики (например, [11;12]).

¹ *Ltr13*. Le discours de la linguistique. Lyon: ENS Éditions, 2024.

Данные вызовы относятся к разным аспектам, и большинство из них являются универсальными, то есть возникают при работе с любыми языковыми парами. Но если сузить проблематику до французского и русского языков, то проблема наблюдается, прежде всего, в отсутствии прочного фундамента — современного двуязычного словаря лингвистической терминологии. Франкоязычный «Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо, переведенный на русский в 1960 г.², стал архаичным и изначально не указывал на причину выбора того или иного эквивалента. «Словарь славянской лингвистической терминологии»³ предлагает для французского термина эквиваленты сразу на нескольких языках, что не позволяет продемонстрировать разнообразие возможных переводов одного термина. «Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии»⁴ является одним из самых полных, но требует обновления. Учебный «Словарь русских лингвистических терминов»⁵ предлагает французские эквиваленты для русских терминов без представления разных вариантов.

Отсутствие современного словаря, на первый взгляд, не должно мешать работе над переводами текстов прошлых веков. Однако в связи с постоянной работой исследователей в области истории языкознания «старые» терминологии постепенно уточняются, дополняются определения уже известных понятий. Например, обнаружение рукописей Ф. де Соссюра на протяжении всего XX в. способствовало уточнению значений фундаментальных сосюрских терминов, ставших известными ещё со времён публикации «Курса общей лингвистики». Подобные изменения, влияющие на появление новых версий переводов языковедческих работ, редко находят моментальное отражение в терминологических словарях. В результате в существующих словарях обнаруживаются неточности в части трактовки и перевода терминов, относящихся к аналам истории языкознания [13].

Наконец, можно рассмотреть эту проблему с противоположной стороны и поставить вопрос следующим образом: возможен ли идеальный двуязычный словарь лингвистических терминов, учитывая специфику самого термина в данной научной области? Для ответа на данный вопрос предлагаем обратиться к особенностям лингвистического термина как в сфере фиксации (вышеперечисленные двуязычные словари), так и в сфере функционирования (русские переводы Грамматики Пор-Рояля, работ Ф. де Соссюра, Э. Бенвениста, Г. Гийома, Л. Теньера, А.-Ж. Греймаса; французские переводы работ

² Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н.Д. Андреевой. ; ред. А.А. Реформатского ; предисл. В.А. Звегинцева. 2-е изд., испр. Москва : УРСС, 2004.

³ Jedlicka A. Dictionary of Slavonic linguistic terminology. Praha : Academia, 1977.

⁴ Назарян А.Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. Москва : Высш. шк., 1989.

⁵ Gueorguiev, Z. 1999. *Dictionnaire des termes linguistiques russes*. Paris : L'Harmattan. Print.

А.А. Потебни, Н.С. Трубецкого, Ю.М. Лотмана). Уточним, что в понятие франкоязычной лингвистики мы включаем научное знание о языке, созданное и создаваемое на французском языке во франкоязычных странах. Под русскоязычной лингвистикой мы понимаем соответственно языковедческие исследования, проводимые в русскоязычном пространстве на русском языке. Указывая на это разграничение, мы придерживаемся позиции швейцарского слависта П. Серию, согласно которому, наука в России вполне вписывается в общий поток идей и дискуссий Западной Европы. При этом русскоязычные лингвисты могут обсуждать, интерпретировать и уточнять отдельные понятия в своей манере: «...как Рим и Византия были когда-то двумя противоположными, яростно противоборствующими, но взаимодополняющими версиями христианства» (перевод автора статьи) [1. С. 22].

Цель исследования состоит в том, чтобы не только продемонстрировать такие противоречия, но и способствовать усовершенствованию научной коммуникации между представителями двух лингвистик, в частности — в области перевода лингвистических терминов. Для достижения этой цели в первой части работы мы систематизируем особенности лингвистического термина в переводческом аспекте. Данные особенности выявляются посредством изучения теоретической литературы, посвященной проблеме термина в лингвистике, сопоставления существующих переводов, обращения к переводческим комментариям, эксплицитно демонстрирующим сложности подбора эквивалентов между русским и французским языками. Во второй части статьи мы обратимся к анализу тех французских терминов, перевод которых на русский язык до сих пор остаётся проблематичным.

Параметры лингвистического термина в переводческом аспекте

Термин представляет собой специфическую лексическую единицу, выражающую научное понятие одной или нескольких областей. Научное понятие соотносится с семантической структурой термина, в которую включены **объём** (границы научного объекта как результата обобщения конкретных языковых данных) и **содержание** (характеристики и аспекты описываемого объекта) выражаемого понятия. Семантическое построение объёма и содержания в структуре термина подразумевает выделение определённых понятийных признаков [14. С. 2004] в соответствии с точкой зрения, с которой учёный рассматривает свой объект. Говоря о лингвистическом термине, Ф. де Соссюр заявлял, что объект в лингвистике не существует без точки зрения, так как такой объект создаётся самим лингвистом: «...нет ни малейшей возможности воспринимать и разграничивать языковой факт без предварительной выработки точки зрения» (перевод автора статьи) [15. С. 93]. Из этого следует, что при изучении

конкретных языковых данных лингвисты моделируют собственные объекты, границы и характеристики которых могут оказаться отличными от границ и характеристик изначальных языковых феноменов. Связано это с тем, что сами языковые данные (феномены), наблюдаемые в действительности, являются недискретными (не имеют чётких границ) [16. С. 417] и полиаспектными [17. С. 14]. Это даёт лингвисту относительную свободу в установлении границ и аспектов объекта при выборе научной точки зрения, а также объёма и содержания понятия при осмыслении объекта. Внутри лингвистики формируются отдельные понятийные системы и, соответственно, отдельные терминологии, иногда идиолектные — в рамках научного творчества одного лингвиста, создающего свою терминологическую микросистему. Поэтому для перевода, например, терминов Л. Теньера невозможно было использовать русские эквиваленты, ранее подобранные для перевода схожих терминов Ш. Балли, ведь Л. Теньер отвергал предшествующие ему термины и выстраивал свою терминологию [18. С. 614–615].

Возникает такой терминологический феномен, как **полиморфизм**, характерный для разных научных областей [19. С. 67–87]. В когнитивных условиях [16. С. 416] пластичности понятийных структур и разнообразия вариантов концептуализации объекта один и тот же термин может указывать либо на один и тот же объект, но в разных границах и аспектах, либо на несколько разных объектов, характеризуясь многозначностью или омонимией [20]. Одно понятие также может выражаться либо одним термином, характеризующимся семантической и формальной (орфографической, морфологической и т.д.) вариативностью [16. С. 6–15], либо разными терминами — абсолютными синонимами (полностью совпадающими по значению), то есть дублетами, либо условными синонимами (близкими по семантической структуре, но характеризующимися наличием на денотативном и сигнификативном уровнях дифференциальных черт), то есть квазисинонимами [2. С. 160–168].

Представленные особенности наблюдаются не только на **синхроническом**, но и на **диахроническом** срезе языковедческого знания, характеризующегося «многослойной и неравномерно укоренённой историчностью» (перевод автора статьи) [17. С. 14]. Это проявляется, например, в отказе от какого-либо термина ввиду его принадлежности к неактуальной теоретической области или нежелательным понятийным или семантическим ассоциациям, которые он вызывает [16. С. 418]. В практике перевода текста с устаревшей терминологией это может отражаться в обратной тактике: переводчик должен избегать излишней модернизации терминологии. Так, русские переводчики, работавшие над текстом «*Грамматики Пор-Рояля*» в конце XX в., избегают «модернизации» терминологии и не употребляют современные русские термины в качестве эквивалентов для французских терминов XVII в.: в переводе намеренно не употребляются термины *подлежащее*, *сказуемое*, *предикат*,

предикация [21. С. 12]. «Неоправданного осовременивания» избегают и переводчики текстов Л. Теньера [18. С. 614]. Когда необходимость употребить современный термин всё же возникает (например, употребление термина *коннотация* для *connotation* в тексте «Грамматики Пор-Рояля»), перевод сопровождается соответствующим комментарием [21. С. 106].

Ещё одним фактором, определяющим нестабильный характер лингвистического термина, является влияние на деятельность лингвиста его собственных представлений. Современные исследователи лингвистического дискурса предлагают учитывать роль «представляемого», или «воображаемого» (фр. «*imaginaire*»), в создании и выражении лингвистического знания⁶. Ученые отмечают, что речь не идёт об иллюзорных представлениях (в социологической интерпретации П. Бурдьё), которые могут «ослеплять» лингвиста в его исследовании, а о **мире представлений** (индивидуальной и субъективной картине мира) как необходимом условии, включающем желания, надежды, вовлеченность, непостоянность и другие субъективные проявления в деятельности лингвиста. То есть всё то, что характеризует лингвиста как человека, являющегося членом общества в определённое время и на определённой территории со своим научным, идеологическим, социальным и политическим контекстом⁷. Индивидуальные представления влияют на все описанные выше процессы по построению и осмыслению научных объектов и выражению понятий с помощью терминов, определяя характер всего научного языка и задавая его форму для целых научных парадигм. В качестве примера можно привести естественнонаучное рассмотрение языка как живого организма в эпоху компаративистики XIX в., следы которого до сих пор прослеживаются в лингвистической терминологии (*langue mère, langue fille* и т.д.).

Терминологические вариации на понятийном и языковом уровнях в синхронии и диахронии безусловно усиливаются, когда речь заходит о разных языках, а также разных странах с различающимися, например, культурными практиками и предубеждениями [16. С. 419] [17. С. 21]. Поэтому переводчик научных текстов по лингвистике должен обладать не только огромным количеством фактических знаний в области данной науки, но и высшей степенью пластичности мышления, способного комбинировать все описанные уровни переводимого лингвистического термина и подбираемого для него эквивалента. Речь, соответственно, должна идти о специалисте одновременно в области истории лингвистики, терминоведения, переводоведения и в той узкой лингвистической дисциплине, к которой относится переводимый текст. Предъявляя к специалисту такие требования, мы автоматически внедряем в процесс перевода ещё один слой того самого «мира представлений»: переводчик сам принадлежит к определённому времени, месту, научному контексту,

⁶ *Ltt13*. Le discours de la linguistique. Lyon: ENS Éditions, 2024.

⁷ Там же.

переводческой или терминоведческой научной школе, что не может не определять результат его перевода. Интересны случаи, когда переводчик оказывается под влиянием представлений автора переводимого текста. Так, в русском переводе работы Э. Бенвениста содержатся комментарии, в которых обосновывается выбор того или иного русского эквивалента. В этих обоснованиях переводчик использует метод генетического определения понятий, принадлежащий самому Э. Бенвенисту [22. С. 423–424]. Лингвисты-переводчики, которые берутся за перевод языковедческой работы, часто имеют субъективный интерес к содержащейся в ней теории и, следовательно, находятся под её влиянием, что не может не отражаться на самом переводе.

При переводе научных текстов по лингвистике мы сталкиваемся, таким образом, с удвоением всех тех сложностей, которые наблюдаются при рассмотрении лингвистического термина на уровне одного языка: переводчик имеет дело с двумя языками — двумя совокупностями терминов и терминологий. Так, опираясь на языковой уровень, переводчик осуществляет выбор лексической единицы, форма и значение которой наилучшим образом соответствовали бы переводимому термину. Все единицы, среди которых осуществляется переводческий выбор, находятся в лексико-семантических отношениях не только с другими терминами, но и с другими единицами общеупотребительного языка. Например, во французском языке слово *discours* используется лингвистами как термин, означающий «дискурс» («Actualisation du langage par un sujet parlant. P. Méton. Résultat de cette actualisation» в словаре TFLi⁸), в то время как другие носители французского языка используют то же слово в нетерминологическом значении — «речь» («propos suivis, d'une certaine longueur, que l'on tient en conversation; p. ext. Propos tenus dans un entretien» в том же словаре). Э. Жаке и Л. Кистер приводят в качестве примера такого же явления термин *contexte* [20. С. 47]. В этих случаях мы имеем дело с лексическими единицами, в семантической структуре которых, если следовать концепции А.А. Потебни, присутствует «дальнее значение», содержащее в себе научную информацию, и «ближайшее значение», представляющее собой ядро семантики слова, доступное любому носителю языка [23. С. 63]. Терминология представляет собой, следовательно, подсистему в системе общеупотребительного языка и полностью ей подчиняется. Поэтому терминологический выбор переводчика ограничен совокупностью отношений и правил того языка, на который осуществляется перевод.

На такие особенности обращали внимание переводчики как с русского на французский [24. С. 16], так и с французского на русский [8. С. 198]. Например, Л.М. Скрелина при переводе текстов Г. Гийома обращает внимание на присутствие во французских единицах *vision* и *visibilité* сем /знание/

⁸ Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi> (дата обращения: 01.09.2024).

и /понимание/ [Там же], которые могут быть недоступны русскоязычному читателю при столкновении с русскими эквивалентами *видение* и *видимость*, которые было бы логично предложить. Переводчик вынужден использовать именно такие термины, так как лексическая система русского языка не предоставляет иного варианта.

Случается, однако, что языковые требования намеренно избегаются переводчиком. Так, в русском переводе работы А.-Ж. Греймаса указывается на стремление достигнуть и соблюдать терминологическую строгость, поступаясь «чисто лингвистическими требованиями соответствия перевода оригиналу», и например, переводить *qualificatif* как квалификативный, но *qualitatif* как качественный [25. С. 11]. Под терминологической строгостью здесь понимается учёт внутренних особенностей другого уровня — понятийного, на котором переводчик вступает в область наслаивающихся друг на друга точек зрения. Как было отмечено выше, в лингвистике точка зрения определяется многими факторами, в том числе территориальной принадлежностью исследователей. Понятия, выстроенные на основе иногда одних и тех же языковых данных в разных странах, отличаются, могут не иметь соответствий, то есть и вовсе отсутствовать в одной из сравниваемых систем до тех пор, пока переводчик не приступит к передаче этого понятия посредством подбора подходящего термина. Как отмечает П. Серио в комментариях к переводу работы Н.С. Трубецкого, текст приходилось не только переводить на французский, но и встраивать его в терминологию и понятийную систему, понятные для носителей французского языка, впитавших другие интеллектуальные традиции [26. С. 31]. Хотя этот текст посвящён не языковедческой, а философской тематике, он наглядно демонстрирует данную переводческую стратегию.

Такая работа требует тщательного исследования научных понятий в двух системах — сравнительного анализа лингвистических теорий и практик в синхронии и диахронии, позволяющего установить терминологическую эквивалентность, находя («discovered equivalence») или создавая соответствия («created equivalence») [27. С. 489–490]. Крайними проявлениями «создаваемой» эквивалентности являются термины-неологизмы в тексте перевода (например, [28. С. 19]), калькирования или заимствования: все три способа создания эквивалента представляют собой то, что С. Амадори называет «языковым гостеприимством» [6. С. 104]. Отметим, что очевидная, на первый взгляд, «найденная» эквивалентность может оспариваться переводчиком. Например, при переводе философских трудов Н.С. Трубецкого на французский язык для термина *подсознание* подбирается эквивалент *inconscient*, хотя этот термин во французском языке обозначает феномен «бессознательного» по З. Фрейду, в то время как «подсознательное» соотносится с *subconscient* (*под-* = *sub-*). Однако переводчик отказывается от прямого соотнесения терминологии Н.С. Трубецкого с терминологией З. Фрейда и предлагает не ассоциировать две авторские системы [26. С. 151].

Синтез выявленных особенностей сводится к следующим параметрам лингвистического термина, которые необходимо учитывать при подборе эквивалента в другом языке. Так, сначала следует установить временной параметр — определить соотношение эквивалентов на оси диахронии или синхронии. Затем осуществляется переход к установлению принадлежности терминов к определённому географическому пространству, на котором они используются (например, использование лингвистического термина *prédicat* в школьных программах Квебека в отличие от Франции), к одной или нескольким лингвистическим областям (например, фонетика, лексикология, грамматика, общая лингвистика и т.д.), к конкретным направлениям (например, порождающая грамматика, прагматика, биолингвистика и т.д.), школам (например, Пражский кружок, Женевская школа, Московская школа и т.д.), персональным теориям с соответствующей идиолектной терминологией (например, Ф. де Соссюр, Г. Гийом, А.А. Потебня и т.д.). Все эти параметры задаются субъективными условиями, связанными с парадигмальными или индивидуальными представлениями как автора терминов, так и переводчика. Каждый параметр всегда имеет двойственную соотнесенность, так как может реализовываться на понятийном и на языковом уровне, что и будет продемонстрировано далее.

Анализ перевода некоторых проблемных терминов

Проведенное исследование показало неразрывное взаимодействие понятийного и языкового уровней в рамках каждого термина. При этом выделяются такие термины, для которых очевидная эквивалентность отсутствует именно в связи с языковыми различиями между двумя системами. Так, во французском языке существуют два этимологически и морфологически связанных существительных — *énoncé* и *énonciation*, ставших лингвистическими терминами: в концепции Э. Бенвениста и последующих развитиях данной концепции *énoncé* обозначает «результат речевого акта, текст высказывания», а *énonciation* — «высказывание как речевое действие» [22. С. 441]. На русский язык оба существительных можно передать с помощью термина *высказывание* [29. С. 110], поскольку в русском языке данная единица может отсылать как к результату, так и к процессу. Однако, чтобы подчеркнуть разграничение, при переводе работ Э. Бенвениста для *énoncé* используется термин *высказывание*, а для *énonciation* — *акт высказывания* [22]. Но первый компонент словосочетания *акт высказывания* эквивалентен французскому слову *acte*, которое Э. Бенвенист употребляет для выражения понятия «речевого акта» — *acte de parole* [30. С. 185]. Такая асимметрия между терминологиями на языковом уровне способствует, соответственно, сложностям в установлении чёткой эквивалентности между, с одной стороны, французскими терминами

énonciation, acte de parole, acte de discours, acte de langage и, с другой стороны, русскими терминами *акт коммуникации, коммуникативный акт, акт речи, речевой акт, акт высказывания*. Учёт идиолектного характера авторской терминологии заставляет переводчика принять во внимание тот факт, что термин *énonciation* в системе Э. Бенвениста имеет ряд квазисинонимов: *phrase, énoncé performatif, instance de discours*⁹, каждый из которых не только требует своего собственного эквивалента при переводе, но и уточняет значение центрального термина в этой системе — *énonciation*. При очевидной понятийной симметричности разграничений между *высказыванием-énoncé* как результатом и *высказыванием-énonciation* как процессом асимметрия возникает именно на уровне языка, что способствует ослаблению данного разграничения и более частотному употреблению в русскоязычных текстах (не только в переводах работ Э. Бенвениста) термина *высказывание* в двух значениях.

Интересный случай представляет группа терминов из области семантики. Во французской терминологии существуют, например, такие термины, как *signification, sens, acception*. Термины *signification* и *sens* могут употребляться как квазисинонимы, но при детальном языковедческом разграничении всё же выражают разные понятия и соответствуют русским терминам *значение* и *смысл*. При этом отдельного внимания требует частотный в современной лингвистике термин *acception*, обозначающий *контекстуальное значение*, которое может приобретать та или иная единица: *acception* — это функциональное проявление многозначности¹⁰, в отличие от *смысла (sens)*, наблюдаемого в семантике слова и вне контекста. Согласно двуязычным словарям, *acception* эквивалентен русским терминам *смысл* и *значение*¹¹, однако более точный эквивалент, требующий фиксации и пояснения в словарях, — *контекстуальное значение*, или *контекстуальный смысл*, а выражение «*mot dans cette acception*» можно переводить как «*слово, употреблённое в этом значении*», при том что в обеих терминологиях есть ещё один термин — *emploi / употребление*.

Таким образом, мы наблюдаем пример того, как доступное русскоязычным лингвистам разграничение на уровне понятий упирается в языковую асимметрию, требующую уточняющих компонентов: прилагательное *контекстуальный* в случае с *acception* и существительное *акт* в случае с *énonciation*.

Концентрация понятийных противоречий наблюдается при сопоставлении французских терминов *notion* и *concept* с русскими терминами

⁹ *Ltr13*. Le discours de la linguistique. Lyon: ENS Éditions, 2024.

¹⁰ *Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage* / Jean Dubois, Mathée Giacomo, Louis Guespin. Paris: Larousse, 1994.

¹¹ *Назарян А.Г.* Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. Москва : Высш. шк., 1989.

понятие и *концепт*. На языковом уровне, казалось бы, переводчик может легко добиться полного соответствия, однако во французском языке эти два термина часто употребляются как дублиеты или квазисинонимы и могут, следовательно, оба переводиться как *понятие* (как при передаче соссюрковского противопоставления «*акустический образ — понятие*» = «*image acoustique — concept*»), так и в рамках перевода современных текстов). Современный русский термин *концепт*, в свою очередь, выражает более узкое понятие (ментальная единица и система ценностей, свойственная национальному сознанию и культуре этноса и т.д.¹²) в связи с развитием когнитивной лингвистики и интеграцией соответствующего понятийного и терминологического аппарата, в то время как во французской терминологии *concept* в области когнитивной лингвистики является не таким частотным, а в словарях когнитивных наук даже не выводится в отдельную статью.

Обратимся к терминам, перевод которых активизирует взаимодействие понятийного и языкового уровня в наибольшей степени. К таким терминам относится, например, одна из центральных и самых частотных единиц французской лингвистической терминологии — *langage*, вызывающая определенные трудности при переводе не только на русский язык. Дело в том, что данный термин соответствует нескольким понятиям в рамках франкоязычной системы и указывает иногда на объект с очень размытыми границами. *Langage* указывает на главный объект лингвистики и используется как компонент термина, обозначающего лингвистическую область — *sciences du langage* («науки о языке», т.е. *языкознание, лингвистика*). В русском языке для *langage* могут быть предложены сразу несколько эквивалентов: например, *язык, речь, слово* могут обозначать в концепции А.А. Потебни такой же не дискретный объект, находящийся между греческим *λόγος* и немецким *Sprache* по А. Гумбольдту [9. С. 81]. Особый интерес к французскому термину *langage* начинают проявлять лингвисты в начале XX в., когда швейцарский лингвист Ф. де Соссюр использует его для выражения общего понятия, включающего ключевые объекты его концепции — *langue* (*язык*) и *parole* (*речь*). В русскоязычной среде общее понятие *langage* в разное время предлагали выражать с помощью терминов *речь, язык-речь, речевая деятельность, языковая деятельность, совокупность языковых явлений, Язык вообще, язык как феномен, языковой феномен* [13]. Такая вариативность отражает соотнесение разных параметров функционирования термина с переводческой точки зрения.

На понятийном уровне в истории языкознания были предприняты попытки, с одной стороны, передать соссюрковский термин *langage* с помощью таких единиц, которые могли бы выражать такое же широкое понятие

¹² Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. Т. 1. 2-е изд. Москва : ФЛИНТА, 2014. С. 88

(неологизм *язык-речь*), либо соотнести с уже существующими терминами: например, с термином *языковая / речевая деятельность*, существовавшим в терминологии русскоязычных лингвистов для указания на совокупность внешних и внутренних проявлений языка [13].

На языковом уровне термин *langage* как лексическая единица французского языка обладает планом выражения, включающим два компонента. Корень *lang-* (от *langue* — «язык», а не «речь») заставляет переводчиков постепенно вводить прилагательное *языковой* и существительное *язык* вместо устоявшегося прилагательного *речевой*. Суффикс *-age*, с точки зрения одних переводчиков, обозначает /процесс/, /деятельность/ (как в *bavardage* — «болтовня» от *bavarder* — «болтать») и оправдывает использование существительного *деятельность*. С другой точки зрения, суффикс *-age* имеет сему /совокупность/ и указывает на правомерность эквивалентов *язык-речь, совокупность языковых явлений*. Учитывая, что *langage* образован от существительного *langue*, а не от глагола, вторая группа эквивалентов является более обоснованной [31]. Учёт понятийных и языковых характеристик переводимого термина позволяет подобрать наиболее удачные эквиваленты: *Язык вообще, язык как феномен, языковой феномен* [13], которые будут уместны, однако, только при передаче авторской терминологии Ф. де Соссюра.

Идиолектность подсистем лингвистической терминологии не всегда учитывается. Так, в русскоязычном тексте одного из трудов Ф. де Соссюра термин *science du langage* («наука о языке», «языкознание») неожиданно переводится как *наука о языковой деятельности* [32. С. 34]. В данном случае происходит наложение перевода авторской терминологии Ф. де Соссюра на перевод терминов вне данного идиолекта. При переходе на более общее понятие в рамках общей французской терминологии термин *langage* вполне можно передать с помощью термина *язык*. Удачную интерпретацию мы видим в статье Н.Д. Арутюновой, которая, учитывая все параметры французского термина *langage*, не использует унаследованный из русскоязычных соссюровских текстов термин *речевая/языковая деятельность*: «Взаимодействие языка и речи — социального и персонального, объективного и субъективного, соборного и личностного, общего и единичного, потенциального и актуального, надсознательного и индивидного, отчужденного и присвоенного — в рамках *целостного феномена языка (langage)*» (курсив автора. — Д.3.) [33. С. 15]. В русском переводе Г. Гийома в термине *acte de langage* компонент *langage* переводится как *речезыковой* [8. С. 20–205].

Обратим также внимание на тот случай, когда учёт понятийных и языковых особенностей терминов необходим в том числе для соблюдения этических норм. Речь идёт о французском термине *langue des signes*, обозначающем структурированную систему конвенциональных жестов рук и выражений лица, позволяющую глухим и слабослышащим выражать и сообщать свои

мысли¹³. Данный термин может также использоваться для обозначения любой системы жестовой коммуникации: в частности, жестового языка североамериканских индейцев, австралийских аборигенов и принявших обет молчания монахов. В русской терминологии мы обнаруживаем два термина, которые активно употребляются как эквиваленты для французского *langue des signes* — *язык жестов* и *жестовый язык*, среди которых первый является устаревшим и некорректным, хотя и продолжает фигурировать в словарях лингвистической терминологии и в русских переводах не только франкоязычных текстов, содержащих *langue des signes*, но и англоязычных — с соответствующим термином *sign language* [34].

Причины такого расхождения также могут принадлежать двум уровням — понятийному и языковому. Особенность трактовки понятия жестового языка в русскоязычной системе частично связана с концепцией Н.Я. Марра, согласно точке зрения которого до появления звучащих языков существовала «ручная», «линейная» речь, или язык жестов, мимики, «кинетический» язык [35. С. 192–202], что привнесло в понятие языка жестов некую примитивность и доисторичность. Такая трактовка содержится даже в современных изданиях словарей лингвистической терминологии¹⁴. Языковая особенность термина *язык жестов*, форма которого (существительное + существительное) хотя и полностью калькирует французское *langue des signes*, заключается в том, что в русском языке родительный падеж компонента *жестов* несёт в себе значение либо описания и партитивности (язык состоит из жестов, и это его основная характеристика, хотя это не единственный его элемент), либо принадлежности (язык «принадлежит» жестам по аналогии с терминами *язык театра*, *язык тела*, *язык танца* и т.п., что снижает статус жестового языка как полноценной языковой системы). Поэтому в русской терминологии в 1990-х гг. термин *язык жестов* стал заменяться на термин *жестовый язык* [34], морфологически равный таким терминам, как *русский язык*, *французский язык* и т.д. Сегодня для обозначения системы жестовой коммуникации глухих и слабослышащих должно использоваться именно такое словосочетание. Учёт понятийных и языковых различий между терминами *langue des signes* и *язык жестов / жестовый язык* позволяет, таким образом, разрешить этическую проблему и признать статус жестового языка. Одновременный учёт диахронической оси развития термина предполагает, что при переводе текстов Н.Я. Марра с русского на французский недопустимо использование термина *langue des signes* — для передачи элементов этой авторской терминологии

¹³ Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi> (accessed: 01.09.2024).

¹⁴ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др. Т. 1. 2-е изд. Москва : ФЛИНТА, 2014. С. 88.

применяется такой эквивалент, как *langage gestuel* [36]. Всё это, безусловно, требует фиксации и объяснения в словарях лингвистической терминологии.

Приведём последний пример (в рамках данной статьи), который наилучшим образом подчеркнёт необходимость пересмотра существующих эквивалентов между французским и русским языками. Так, в словаре А.Д. Назаряна мы обнаруживаем французский термин *sentiment linguistique* и его русский эквивалент — *языковое чутьё*. В конце 80-х гг. XX в., когда словарь создавался, такая эквивалентность была возможна. Однако в русской терминологии также существовал термин *языковое чувство (чувство языка)*, а во французской, например, *sens du langage* [37], то есть в обоих языках наблюдалась условная синонимия, уже тогда затрудняющая корректную передачу терминов. За прошедшие десятилетия во франкоязычной лингвистике сформировалось довольно чёткое различие между как минимум четырьмя понятиями, выраженными терминами *sentiment*, *sensibilité*, *sens*, *sensation* с вариацией на уровне сочетаемости (*sentiment de la langue / linguistique*, *sens du langage*). Соответственно, эквивалентность «*sentiment linguistique* = *языковое чутьё*» является неполноценной. Современный анализ данных единиц на понятийном и языковом уровнях позволяет предложить переводить *sentiment* как *восприятие*, *sensibilité* как *чутьё*, *sens* как *чувство*, а *sensation* — как *ощущение* [Там же]. Этот пример хорошо демонстрирует потенциал переводческой работы с точки зрения концептуализации всего того, что ещё не было концептуализировано [24. С. 15] в одной из лингвистических традиций. На важность переводческой работы по концептуализации и последующей систематизации научного знания обращают внимание, например, специалисты по переводу языковедческих текстов с французского на японский [12].

Рассмотренные примеры являются наглядной демонстрацией явления, которое в эпистемологии лингвистики иногда называют «порочным кругом» (фр. *cercle vicieux*) [15. С. 64]. Лингвисты, создающие и использующие термины, как и переводчики, подбирающие для таких терминов эквиваленты в другом языке, с помощью языковых средств выражают понятия, выстраиваемые на основе языковых явлений. Совмещение языка-объекта и языка-инструмента и образует этот круг, по которому вынуждены двигаться, словно по «болотистому грунту» [Там же. С. 55], исследователи, не имея возможности выстроить необходимую дистанцию между языковым и понятийным уровнями, доступную, например, при научном переводе текстов в других областях, даже гуманитарных.

Заключение

Переводчику текстов нужно проводить искусственное разграничение между двумя уровнями, анализируя каждый из них по совокупности параметров: время, место, область, направление, школа, автор. Особенности, связан-

ные с недискретностью и полиаспектностью языковедческих объектов, проявляются и на чисто понятийном уровне, что соотносит вызовы, стоящие перед переводчиками работ по лингвистике, с проблемами специалистов других гуманитарных областей (в частности в сфере философии), где особое влияние на результат работы оказывают субъективные представления переводчика и его индивидуальный выбор, который может осуществляться под влиянием картины мира автора переводимого текста, а также автора конкретной терминологии.

Данные особенности необходимо учитывать в целях достижения высокого качества перевода языковедческих работ и высокой степени адекватности подобранных эквивалентов, что будет способствовать обновлению содержания существующих двуязычных словарей и систем автоматического перевода. Понятийная и терминологическая систематизация языковедческого знания, сопровождающая переводческую работу, поможет усовершенствовать одноязычные словари лингвистической терминологии, которые должны отражать описанные параметры терминологических единиц. Отвечая, таким образом, на заявленный во введении вопрос о возможности идеального двуязычного словаря лингвистической терминологии, можно ответить, что для лингвистической области важно само движение к созданию этого словаря. Такое стремление имеет двойную перспективу: во-первых, развитие отдельных систем лингвистического знания посредством их обогащения другими системами; во-вторых, развитие межсистемной научной коммуникации благодаря улучшению взаимопонимания между франкоязычными и русскоязычными исследователями.

Список литературы

1. *Sériot P.* Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. 2e éd. Limoges : Lambert-Lucas, 2012.
2. *Alipour M., L'Homme M.-C.* Une typologie revisitée de la synonymie // *Traductologie, terminologie et traduction. Translatio.* 2021. No. 10. Problématiques de traduction. No. 8. P. 157–171.
3. *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Москва : Либроком, 2012.
4. *Ragazzini B.* Harmonising concepts and terms for the development of knowledge. A study on the need for names and the necessity for harmonisation in the 19th century // *Terminologie & Ontologie: Théories et Applications. Actes de la conférence TOTh 2022.* Université Savoie Mont Blanc. Chambéry Cedex. Presses Universitaires Savoie Mont Blanc, 2023. P. 259–279.
5. *Milliaressi T., Berner C., et al.* Traduire les sciences humaines. Problematiques De Traduction. *Translatio. Classiques Garnier.* 2021. No. 6. P. 13–18.
6. *Amadori S.* Apologie de la polémique. La traduction-translation d'un «Étranger» théorique // *L'Imaginaire du traduire : langues, textes et pratiques des savoirs.* Paris: Classiques Garnier («Problématiques de traduction» 13). 2023. P. 93–105.
7. *Гринев-Гриневиц С.В.* Сопоставительное терминоведение — основа международной унификации и стандартизации терминологий // *Научно-техническая терминология.* 1997. Вып. 2. С. 28–34.
8. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / общ. ред., послесл. и коммент. Л.М. Скрелиной. Москва : Прогресс, 1992.

9. *Potebnja A.* La pensée et le langage. Trad. du russe par P. Sériot, M. Schönerberger. Limoges : Lambert-Lucas, 2022.
10. *Kim S.D.* Les problèmes de la traduction du Cours de linguistique générale dans le monde de l'écriture chinoise : terminologie, épistémologie, réception // Cahiers du CLSL. 2018. No. 57. P. 7–2.
11. *Ivanova E.* Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe) // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2000. No. 53. P. 177–196.
12. *Takeuchi-Clément R.* Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique : Cheminement d'adaptation lexicale du japonais // Traduire les sciences humaines. Ed. T. Boukreeva-Milliaressi, C. Berner. Classiques Garnier, 2021. Translatio, № 8, Série. Problématiques de traduction, No. 6. P. 167–185.
13. *Zolotukhin D.* Traduire «De la double essence du langage» en Russe // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2025. No. 75. P. 121–141.
14. *Neveu F.* Sur l'usage des termes complexes dans le discours de la science du langage. Préliminaires à une étude comparée de la terminologie linguistique // Rencontres Linguistiques Méditerranéennes : La terminologie, entre traduction et bilinguisme. Hammamet. Tunisie, 2004. P. 107–120.
15. *Saussure F. de.* Science du langage : De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372. Éd. critique par R. Amacker. Genève : Librairie Droz, 2011.
16. *Freixa J.* Causes of terminological variation // Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge / ed. by Pamela Faber, Marie-Claude L'Homme. John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 399–420.
17. *Swiggers P.* Terminologie et terminographie linguistiques : problèmes de définition et de calibrage // Syntaxe & Sémantique. 2006. No. 7 (1). P. 13–28.
18. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. Москва : Прогресс, 1988
19. *Шелов С.Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. Санкт-Петербург : Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003.
20. *Jacquey E., Kister L.* Polysémie des vocabulaires de spécialité dans l'écrit scientifique // Cahiers de Lexicologie. 2024. Vol. 124. No. 1. P. 47–68.
21. *Арно А., Лансло К.* Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Ленинград : Ленинградский университет, 1991.
22. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова ; пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др. Москва : Прогресс, 1974.
23. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. 4-е изд., стер. Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009.
24. *Lotman Y.* La structure du texte artistique / trad. du russe par Anne Fournier, Bernard Kreise, Eve Malleret, Joëlle Young sous la direction de Henri Meschonnic. Préface de Henri Meschonnic. 1973.
25. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика : поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой. Москва : Академический Проект, 2004.
26. *Troubetzkoy N.S.* L'Europe et l'humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques / trad. et notes P. Sériot. Mardaga, 1996.
27. *Pilar L.-A.* Terminology and equivalence // Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge / ed. by P. Faber, M.-C. L'Homme. John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 477–502.
28. *Lotman J.* L'explosion et la culture. Limoges : PULIM, 2005.
29. *Рыжова Л.П.* Содержание терминов «предложение» и «высказывание» во французской лингвистике // Вопросы современной лингвистики. 2022. № 6. С. 109–118.
30. *Benveniste É.* Langues, cultures, religions / édition et introduction de Chloé Laplantine et Georges-Jean Pinault, 2015. P. 40.
31. *Kyheng R.* Le langage : faculté, ou généralisation des langues ? Enquête saussurienne // Texto! 2006. Vol. XI. No. 1. URL: http://www.revue-texto.net/Saussure/Sur_Saussure/Kyheng_Langage.html (accessed: 09.10.2024).

32. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. Москва : Издательская группа «Прогресс», 2001.
33. Арутюнова Н.Д. Высказывание в контексте диалога и чужой речи // *Revue des études slaves*. 1990. Т. 62, № 1–2. С. 15–30.
34. Золотухин Д.С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций // *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 4. С. 597–606.
35. Марр Н.Я. Основные вопросы языкознания. Акад. наук СССР, Гос. акад. матер. культуры им. Н.Я. Марра. Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1936.
36. Sériot P. Le monde perdu de Nikolaj Marr : un philosophe du langage du XVIIIe siècle dans la Russie stalinienne // *Penser l'histoire des savoirs linguistiques* / ed. S. Archaimbault et al. ENS Éditions. 2014. pp. 601–609.
37. Золотухин Д.С. Корреляция понятий ощущения, восприятия, чувства и чутья во французской и русской лингвистических терминологиях // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2020. № 6 (31). URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1654945> (дата обращения: 24.02.2025)

References

1. Sériot, P. 2012. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. 2nd ed. Limoges: Lambert-Lucas. Print.
2. Alipour, M., and M.-C. L'Homme. 2021. "Une typologie revisitée de la synonymie." *Traductologie, terminologie et traduction. Translatio*, no. 10, *Problématiques de traduction*, no. 8, pp. 157–171. Print.
3. Leychik, V.M. 2012. *Terminology Studies: Subject, Methods, Structure*. Moscow: Librokom publ. Print. (In Russ.)
4. Ragazzini, B. 2023. "Harmonising concepts and terms for the development of knowledge. A study on the need for names and the necessity for harmonisation in the 19th century." In *Terminologie & Ontologie: Théories et Applications. Actes de la conférence TOTh 2022*, Université Savoie Mont Blanc, Chambéry Cedex, Presses Universitaires Savoie Mont Blanc, pp. 259–279. Print.
5. Milliaressi, T., Berner C., et al. 2021. *Traduire les sciences humaines. Problématiques de traduction. Translatio*, Classiques Garnier, no. 6, pp. 13-19. Print.
6. Amadori, S. 2023. "Apologie de la polémique. La traduction-translation d'un 'Étranger' théorique." In *L'Imaginaire du traduire: langues, textes et pratiques des savoirs*. Paris: Classiques Garnier (*Problématiques de traduction* 13), pp. 93–105. Print.
7. Grinev-Grinevich, S.V. 1997. "Comparative Terminology Studies as the Basis for International Unification and Standardization of Terminologies." *Scientific and Technical Terminology*, issue 2, pp. 28–34. Print. (In Russ.)
8. Guillaume, G. 1992. *Principles of Theoretical Linguistics*. General editing, afterword, and commentary by L.M. Skrelin. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
9. Potebnja, A. 2022. *La pensée et le langage*. Translated from Russian by P. Sériot, M. Schönenberger. Limoges: Lambert-Lucas. Print.
10. Kim, S.D. 2018. "Les problèmes de la traduction du *Cours de linguistique générale* dans le monde de l'écriture chinoise: terminologie, épistémologie, réception." *Cahiers du CLSL*, no. 57, pp. 7–24. Print.
11. Ivanova, E. 2000. "Le problème de la traductibilité des termes linguistiques (l'interprétation de langue-langage-parole de Saussure en russe)." *Cahiers Ferdinand de Saussure*, no. 53, pp. 177–196. Print.
12. Takeuchi-Clément, R. 2021. "Situation de la traduction franco-japonaise en linguistique: Cheminement d'adaptation lexicale du japonais." In *Traduire les sciences humaines*, edited

- T. Boukreeva-Milliaressi, C. Berner. *Classiques Garnier, Translatio*, no. 8, *Série Problématiques de traduction*, no. 6, pp. 167–185. Print.
13. Zolotukhin, D. 2025. “Traduire *De la double essence du langage* en Russe.” *Cahiers Ferdinand de Saussure*, no. 75, pp. 121–141. Print.
  14. Neveu, F. 2004. “Sur l’usage des termes complexes dans le discours de la science du langage. Préliminaires à une étude comparée de la terminologie linguistique.” In *Rencontres Linguistiques Méditerranéennes: La terminologie, entre traduction et bilinguisme*, Hammamet, Tunisie, pp. 107–120. Print.
  15. Saussure, F. de. 2011. *Science du langage: De la double essence du langage et autres documents du ms. BGE Arch. de Saussure 372*. Edited R. Amacker. Genève: Librairie Droz. Print
  16. Freixa, J. 2022. “Causes of terminological variation.” In *Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge*. Edited Pamela Faber and Marie-Claude L’Homme. John Benjamins Publishing Company, pp. 399–420. Print.
  17. Swiggers, P. 2006. “Terminologie et terminographie linguistiques: problèmes de définition et de calibrage.” *Syntaxe & Sémantique*, vol. 7, no. 1, pp. 13–28. Print.
  18. Tesnière, L. 1988. *Fundamentals of Structural Syntax*. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
  19. Shelov, S.D. 2003. *Term. Terminologicality. Terminological Definitions*. St. Petersburg: Faculty of Philology. St. Petersburg State University.
  20. Jacquey, E., and L. Kister. 2024. “Polysémie des vocabulaires de spécialité dans l’écrit scientifique.” *Cahiers de Lexicologie*, vol. 124, no. 1, pp. 47–68. Print.
  21. Arnauld, A., and C. Lancelot. 1991. *General Rational Grammar (The Port-Royal Grammar)*. Leningrad: Leningrad University publ. Print. (In Russ.)
  22. Benveniste, É. 1974. *General Linguistics*. Edited, with an introduction and commentary Y.S. Stepanov; translated from French by Yu.N. Karaulov et al. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
  23. Kobozeva, I.M. 2009. *Linguistic Semantics*. 4th ed., revised. Moscow: Librokom publ. Print. (In Russ.)
  24. Lotman, Y. 1973. *La structure du texte artistique*. Translated from Russian Anne Fournier, Bernard Kreise, Eve Malleret, Joëlle Young, under the direction of Henri Meschonnic. Preface by Henri Meschonnic. Print.
  25. Greimas, A.J. 2004. *Structural Semantics: The Search for Method*. Translated from French L. Zimina. Moscow: Academic Project publ. Print. (In Russ.)
  26. Troubetzkoy, N.S. 1996. *L’Europe et l’humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*. Translated and annotated P. Sériot. Mardaga. Print.
  27. Pilar, L.-A. 2022. “Terminology and equivalence.” In *Theoretical perspectives on terminology. Explaining terms, concepts and specialized knowledge*. Edited P. Faber and M.-C. L’Homme. John Benjamins Publishing Company, pp. 477–502. Print.
  28. Lotman, J. 2005. *L’explosion et la culture*. Limoges: PULIM. Print.
  29. Ryzhova, L.P. 2022. “The Content of the Terms ‘Sentence’ and ‘Utterance’ in French Linguistics.” *Issues of Modern Linguistics*, no. 6, pp. 109–118. Print. (In Russ.)
  30. Benveniste, É. 2015. *Langues, cultures, religions*. Edited and introduced Chloé Laplantine and Georges-Jean Pinault. Print.
  31. Kyheng, R. 2006. “Le langage : faculté, ou généralisation des langues ? Enquête saussurienne.” *Texto!*, vol. XI, no. 1. URL: http://www.revue-texto.net/Saussure/Sur_Saussure/Kyheng_Langage.html (accessed: 09.10.2024).
  32. Saussure, F. de. 2001 (2000). *Notes on General Linguistics*. Moscow: Progress Publishing Group. Print. (In Russ.)
  33. Arutyunova, N.D. 1990. “The Utterance in the Context of Dialogue and Reported Speech.” *Revue des études slaves*, vol. 62, no. 1–2, pp. 15–30. Print. (In Russ.)
  34. Zolotukhin, D.S. 2024. “Between Gesture Language and Sign Language: The Problem of Equivalence of French and Russian Metalanguage Terms for Gesture Communication Systems.” *SibScript*, vol. 26, no. 4, pp. 597–606. Print. (In Russ.)

35. Marr, N.Ya. 1936. *Fundamental Issues of Linguistics*. Academy of Sciences of the USSR, State Academy of Material Culture named after N.Ya. Marr. Leningrad: State Socio-Economic publ. Print. (In Russ.)
36. Sériot, P. 2014. “Le monde perdu de Nikolaj Marr : un philosophe du langage du XVIIIe siècle dans la Russie stalinienne.” In *Penser l’histoire des savoirs linguistiques*. Edited S. Archambault et al. ENS Éditions, pp. 601–609. Print.
37. Zolotukhin, D.S. 2020. “Correlation of the Concepts of Sensation, Perception, Feeling, and Intuition in French and Russian Linguistic Terminologies.” *Scholarly Notes of Novgorod State University*, no. 6 (31). URL: <https://portal.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1654945> (accessed: 24.02.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Золотухин Денис Сергеевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории истории лингвистических теорий, Университет Париж Ситэ, Франция, 75205, Париж, улица Thomas Mann, д. 5. ORCID: 0000-0002-5772-729X. eLibrary SPIN-код: 5185-5748. E-mail: denzolotukhin@gmail.com

Bio note:

Denis S. Zolotukhin is a Candidate of Philology, researcher of the laboratory of linguistic theories, Paris Cité University, 5 Thomas Mann St, Paris, 75205, France. ORCID: 0000-0002-5772-729X; eLibrary SPIN-code: 5185-5748. E-mail: denzolotukhin@gmail.com